

нина **С**ТОЖКОВА
женский детектив

**КРАЖА
ПО ВЫСШЕМУ
РАЗРЯДУ**

Старинные портреты,
верная прислуга —
все это возвращает
в эпоху великих отравлений!..
Немного цинистого калия —
может, в этом доме
его всем подкладывают
для забавы?

Нина Стожкова

Кража по высшему разряду

«Центрполиграф»

2008

Стожкова Н.

Кража по высшему разряду / Н. Стожкова — «Центрполиграф», 2008

Наконец-то фортуна повернулась к журналистке Инне лицом, а не своим обычным местом! Ей выпала возможность написать книгу для состоятельной заказчицы Покровской да еще и встретиться с любимой питерской тетушкой Изольдой. Наемная сочинительница уже было принялась за работу, как вдруг обнаружила в элегантно обставленных апартаментах заказчицы старинную семейную реликвию, которая показалась ей смутно знакомой. Не о ее ли судьбе так беспокоилась тетя Изольда? Инну обуял дух авантюризма, и она очертя голову окунулась в чужое, более чем сомнительное прошлое...

© Стожкова Н., 2008

© Центрполиграф, 2008

Содержание

КОФЕЙНЯ НА ВАСЬКЕ	5
ПРОЕКТ «ЗОЛОТЫЕ МЕМУАРЫ»	6
ВАГОНЧИК ТРОНЕТСЯ – НЕ ТРОНУТЬСЯ БЫ НАМ	8
ВОКЗАЛ ВОСПОМИНАНИЙ	14
СТРАСТИ ПО МАРКУ	15
МАРК ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ПИТЕР	19
ЯВИЛСЯ НЕ ЗАПЫЛИЛСЯ	20
ДОМ С ПРИВИДЕНИЯМИ	23
ИЗОЛЬДУ ПРИВОЗЯТ НА ТАЧАНКЕ	29
ЧЕЛОВЕК ИЗ «БЫВШИХ»	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Нина Стожкова

Кража по высшему разряду

КОФЕЙНЯ НА ВАСЬКЕ

– Давай зайдем куда-нибудь погреться, – предложила Изольда, когда ветер с Финского залива задул с новой силой, а дождь, ледяной и мерзкий даже для Питера, стал невыносимым. – Тут на Ваське есть одна недорогая кофейня...

Инна не сразу догадалась, что Васька на питерском сленге – Васильевский остров. Наконец поняла, улыбнулась и запоздало кивнула.

В небольшой комнатке стояли столики с пластиковым верхом и стулья на железных ножках – такие дешевенькие и потрепанные, словно и не было двадцати лет бурных рыночных реформ. В подобные питерские кафешки Инка и Галка, старшая Изольдина дочь, закатывались в конце восьмидесятых, чтобы обсудить без помех свои сердечные проблемы. Вот и нынче здесь можно было поболтать без свидетелей: кроме Инны с Изольдой и барменши, в кафе больше никого. В такую скверную погоду даже закаленные питерцы прячутся по домам. Что уж говорить о туристах, которые подобные демократичные заведения и вовсе игнорируют: бедновато, да и далеко от глянцевого имперского красота.

Инна заказала кофе для себя, зеленый чай для Изольды и по порции блинчиков с клубничным вареньем для каждой. Дамы ждали заказ, исподволь поглядывая друг на друга. Инна заметила: их общение за последние годы постепенно, неумолимо изменилось. Внезапно все поняла и порывисто метнулась к барной стойке – вроде бы по делу, а на самом деле для того, чтобы Изольда не раскусила ее догадку. Все было слишком просто. И слишком грустно. Теперь ей не надо было выпрямлять, как прежде, в присутствии Изольды спину, втягивать живот, пытаться улыбнуться так же, как она, поправлять похожим жестом волосы – словом, Инна больше не боялась, что их будут сравнивать. Прежняя Изольда, похожая на Катрин Денев, навсегда осталась в памяти. А нынче на Инну смотрела приятного вида старушка в маленьком темно-сером, типично ленинградском беретике и скромном плащевом пальтишке мышиного цвета. «Бабушка Ольга», – мелькнула в голове нелепая мысль, которую Инна тут же прогнала (бабушка Ольга, мать Изольды, уже лет двадцать спала вечным сном на одном из старых питерских кладбищ!), и, чтобы поскорее вернуться к реальности, Инна отхлебнула горячего кофе.

В полумраке младшая женщина опять исподволь взглянула на старшую... Мурашки побежали по ее спине. Магические силы, замешанные на тяжелом петербургском тумане, который не первое столетие дурманит голову здешним сочинителям, музыкантам и живописцам, внезапно пришли в движение... Облик собеседницы стал меняться на глазах. Словно Изольда отхлебнула не совковой бурды, гордо именуемой кофе, а какого-то магического напитка, способного, пусть ненадолго, вернуть молодость. Испила питерского «средства Макропулоса». Щеки порозовели, правильные черты лица проступили четче, а морщины, напротив, почти исчезли. «Пожалуй, у нынешней Катрин Денев из-за всех ее пластических операций уже не бывает такой улыбки», – подумала Инна. Ей почудилось, что знакомое с детства лицо Изольды вдруг приняло иное, чужое, незнакомое выражение. Как будто на нем отпечатались очередная петербургская тайна, замешанная на этом трехсотлетнем тумане и болотной сырости. Рука Инны дрогнула, и по белоснежной скатерти растеклось большое коричневое пятно...

ПРОЕКТ «ЗОЛОТЫЕ МЕМУАРЫ»

– Да что это мы все про меня, да про меня, – спохватилась Изольда. – Тебе, наверное, мои грустноватые эмигрантские байки малоинтересны. Ты ведь и сама поездила, повидала наших за границей. Там, на Западе, как ты догадываешься, все не так замечательно, особенно у эмигрантов, хотя здесь они, то есть мы, рассказываем совсем-совсем другое...

– Да уж, и вправду повидала. А уж послушала... В Венеции, возле площади Сан-Марко, наши эмигрантки-уборщицы награждали друг дружку такими виртуозными матюками, что у венецианского льва хвост колечком завернулся. Стоило ради этого ехать в Италию! – проворчала Инна, разрезая второй блинчик, уже изрядно остывший.

– И правда, соотечественники расползлись по свету, как тараканы, никого теперь русской речью не удивишь, напротив, нынче услуга везде русский учит, – улыбнулась Изольда и попросила: – Теперь ты, Инночка, расскажи, что привело тебя в Питер в эту промозглую пору. Я знаю, сейчас ты скажешь, что хотела со мной повидаться, это правда, я очень тронута, и все же... Позволь не поверить. Что-то ты, милая, не договариваешь. Про какую Пиковую даму ты по телефону толковала?

Стараясь не увязнуть в подробностях, Инна поведала Изольде про цель своего приезда.

Вообще-то она прибыла в Питер не только ради встречи с любимой тетушкой, эмигрировавшей волею судеб и дочерей несколько лет назад в Германию. Если честно, цель «краткого рабочего визита» Инны была весьма корыстной. Ее давнишний приятель Сергей Бурмистров, обаятельный бездельник и обормот, склонный к разным дурацким авантюрам, которые в лучшем случае заканчивались ничем, а в худшем – полным провалом и денежным крахом, поведал ей за чашечкой кофе про некую пожилую даму из Санкт-Петербурга. Мол, весьма обеспеченная старушенция мечтает издать мемуары, однако, как говорится, ни ухом ни рылом... А точнее, ни пером, ни компьютером – ничем в должной мере не владеет, поэтому ищет «негра». А еще лучше – «негритьянку». Цена, как говорится, договорная. Главное, не продешевить, поскольку старушенция весьма богата. Инна насторожилась. Вот это да! Наконец-то Фортуна повернулась к ней лицом, а не своим обычным местом. Удача впервые сама плывет в руки! И главное, работа непыльная и простая до тупости. Сиди себе, слушай вполуха амбициозное бормотание старухи, записывай на диктофон. А потом лепи из ее рассказней что-то более или менее удобоваримое, по крайней мере логически связанное. Между тем ответственности никакой: тираж книжечки крошечный, предназначен на подарки своим. Главное, чтобы авторше труд понравился. Как говорится, кто заказывает музыку... Впрочем, угодить заказчице мемуаров – дело нехитрое: как можно больше выпячивай ее роль в истории, а значение остальных участников сей старомодной пьесы под названием «Жизнь одной дамы», наоборот, старательно затушевывай. Вот и весь рецепт сомнительного творческого супчика. Видали мы, и не раз, таких богатеньких старушек! Мечтают купить билет в вечность, словно в бизнес-класс авиалайнера, летящего на Канары! Вспоминают эпизоды собственной драгоценной жизни со всеми бесконечными скучнейшими подробностями. Так и подмывает шепнуть: мол, пустые хлопоты, матушка, билет-то в вечность выписывается совсем другим ведомством. Туда ни бойким писателям, ни чиновникам даже самого высокого ранга ходу нет. В небесной канцелярии действительны иные законы и, возможно, другие льготные списки...

И пусть себе такие бабульки заблуждаются как можно чаще – на благо нам, продажным писателям! – цинично решила Инна. Общаться с наивными, преисполненными собственной значимости воспоминателями – сплошное удовольствие. Чай с тортом, сувениры с курортов, машина с водителем, если понадобится. Правда, есть одно но, с лихвой перекрывающее все плюсы. Когда дело доходит до расплаты, все богатенькие буратины без исключения оказываются на удивление скупы. Так что главный закон в деле написания заказных мемуаров прост,

как таблица умножения: без аванса – ни строчки. А рукопись – только в обмен на гонорар. Из рук в руки.

В общем, нехитрые мысли вихрем пронесли в ее голове, включившейся в этом месте со скрипом, как старый комп, и Инна попросила продиктовать телефон и адрес новой питерской «старушки процентщицы». Честно говоря, она не особенно рассчитывала на успех: в культурной столице и своих сочинителей хватает, один Союз писателей Санкт-Петербурга чего стоит! Пушкину с Достоевским и не снился такой корпоративный междусобойчик! Да и Союз журналистов Санкт-Петербурга не сбросишь со счетов! Правда, и заказчиков пафосных мемуаров у продажных питерских сочинителей в последнее время по понятным причинам прибавилось – колесо истории резво покатило в сторону Северной столицы, сметая вся и всех – от ленивых москвитов до горластой ставропольской и напористой уральской публики – на своем пути.

Однако надменный, слегка картавый, как у карикатурных дворян в старых советских фильмах, голос пожилой дамы отозвался в телефонной трубке с неожиданной готовностью:

– Что ж, голубушка, с нетерпением жду вас в субботу, ради такого дела даже готова отложить поездку на уик-энд в загородное имение...

Она так и сказала: не «на дачу», а «в имение», что слегка резануло Иннин демократичный слух. Дама продиктовала адрес на Мойке, и в ближайшую пятницу Инна потащилась поздним вечером на Ленинградский вокзал.

ВАГОНЧИК ТРОНЕТСЯ – НЕ ТРОНУТЬСЯ БЫ НАМ

Такая тоска навалилась на Инну на перроне, что она едва не повернула обратно, в свою маленькую уютную квартирку на московской окраине.

Тускло освещенную пустую платформу усыпали, кружась в стремительном диком танце и срываясь на ветру под поезд, крупные, как серебряные монеты, снежинки. Путешественница подставила руку, но ветер тут же сдул их с перчатки, и снежные хлопья понеслись в бешеном ритме мимо, мимо... Инна тащила, спотыкаясь, по обледеневшему асфальту огромную сумку, набитую образцами заказных книг, которые накопала за последние годы числом не меньше, чем достославный Оноре де Бальзак или благородный Чарльз Диккенс. У нее тоже получилась целая «Человеческая комедия». Однако прекрасно изданные тома были написаны от имени и во славу современных Гобсеков и Ростиньяков, а также Домби и сыновей. Инна героически волокла на себе в Питер эту мини-библиотеку, чтобы старуха оценила ее профессиональный успех и не скупилась. Мол, у нас такие, как вы, госпожа миллионерша, в очередь стоят... В сумке булькали две бутылки коньяка «Московский» (пусть Северная столица знает свое место!) для Изольды и Марка. В общем, из личных вещей в объемистую спортивную сумку поместилось лишь самое необходимое, никаких вечерних нарядов, все походно-спортивное, впрочем, на два дня больше и не надо...

Инна тащилась к первому вагону и проклинала про себя все того же Бурмистрова, автора множества благополучно лопнувших коммерческих проектов. Ему и в голову не пришло проводить ее до вагона, видно, испугался гнева очередной ревливой любовницы, хотя на процент от будущего Иннинного гонорара этот милый мерзавец рассчитывал всерьез...

Редкие зимние пассажиры поспешно нырнули в натопленное тепло вагона, и перрон окончательно опустел. До отправления поезда оставалось несколько минут. Инна устроилась у окна в пустом купе и раздвинула шторы. За черным проемом окна так же медленно падал снег, навевая тяжелый зимний сон.

«Хорошо бы повезло! Тогда буду ехать одна до самого Питера», – с надеждой подумала Инна. Она растегнула «молнию» на сапоге и потеряла вмятину на лодыжке. Только сейчас заметила: к ночи ноги отекли и нестерпимо гудели. То же самое проделала с другой ногой, и жизнь показалась не такой невыносимой, как полчаса назад. Инна достала из сумочки пудреницу. Из зеркала на нее уставилось измученное лицо сорокалетней женщины. Под снежными хлопьями тушь и тени размазались вокруг глаз, придав взгляду мрачноватое безумие, румяна облетели, и лицо при тусклом свете лампочки под потолком стало серовато-белым, а густые и пышные волосы цвета спелой пшеницы, предмет ее особой гордости, намокнув под снегом, свисали вдоль щек жалкими сосульками.

– Ну, здравствуй, призрак «Красной стрелы», – сказала она себе с отвращением и принялась подновлять фасад.

Через пять минут из зеркала на нее взглянула все такая же измученная, но уже вполне привлекательная женщина. Густые, аккуратно уложенные пряди, беличий разрез фиалковых глаз, изящный, слегка покрасневший от обиды носик – может, и не королева красоты, и не юна давно, но вполне еще симпатичная женщина, трогательная в своей одинокой хрупкости и незащищенности.

Ободренная маленьким зеркалом, Инна закрыла дверь и встала с полки, чтобы без помех рассмотреть свое отражение в другом – большом. Что ж, и тут дела обстояли весьма неплохо. Изящная фигурка, тонкая талия, высокая, красивой формы грудь, округлые плечи. Легкий дорожный свитер, подобранный в тон фиалковым глазам, выгодно подчеркивал все достоинства ее фигуры. Жаль, длины зеркала не хватало, чтобы в нем полностью отразились стройные ноги, упакованные в узкие джинсы.

Покрутившись перед зеркалом еще немного, Инна плюхнулась на диван. Настроение явно улучшилось. И в ту же секунду поезд тронулся, медленно покатило вдоль перрона. Вскоре состав прибавил ход, и пассажирка, облегченно вздохнув, откинулась к стенке купе. Одна! Слава богу, одна! Напрасно красилась. Теперь-то уж точно никого нелегкая не принесет. «Красная стрела» мчит до Питера почти без остановок.

– Добрый вечер, мадам! – Дверь в купе открылась, и в проем просунулась крупная мужская голова в черной вязаной шапочке. – Разрешите войти? У меня в этом купе верхняя полка.

– Да, конечно, входите, пожалуйста. – Инна поспешно подвинулась, и в крошечное пространство купе ввалился здоровенный господин с миниатюрным, не по комплекции, чемоданчиком командированного в руках.

– Уф, едва не опоздал. На ходу вскочил в последний вагон и потом через весь поезд к вам пробирался.

Инна хмуро кивнула. Вот тебе, бабушка, и юркий пень! Размечталась, наивная дура, ехать всю дорогу в гордом одиночестве...

Внушительный тип, комплекцией похожий на боксера Николая Валуева, больно задел Инну плечом. И в купе, где только что было довольно просторно, стало не протолкнуться, как в метро в час пик.

– Владимир Ильич, – представился незнакомец, с любопытством скользнув взглядом по случайной попутчице.

Инна невольно улыбнулась:

– Лет пятнадцать назад вам, наверное, было непросто жить на свете с таким именем-отчеством?

– Справлялся, – просто объяснил попутчик, беззастенчиво разглядывая Инну. – К тому же и фамилия у меня, как назло, соответствующая – Ульянов. Во когда-то родители отчебучили! Потом оправдывались, говорили, что Володьки у нас всегда в роду были. Пришлось смириться, да и привык к шестнадцати годам. А вас, я извиняюсь, как зовут?

Инна автоматически поправила глубокий вырез кофточки, провела рукой по высохшим волосам и отодвинулась ближе к окну. М-да, только что она отправила оптимистическую эсэм-эску подруге: «Мусик, еду в Питер, маньяков в купе нет, созвонимся во вторник».

«Погоди, еще не вечер», – пошутила Машка.

И вправду, маньяк тут как тут! Явился к ночи, не запыхался, как им, маньякам, и положено. А вдруг это бывалый транспортный вор и аферист? Клофилин в чай, газ какой-нибудь усыпляющий, то-се... Обчистит. А потом надругается. В газетах о таких случаях чуть ли не каждый день пишут.

«Впрочем, я сама за хороший гонорар и не то напишу, – подумала она, усилием воли пытаюсь включить вместо страха логику. – А с этим типом все-таки надо поосторожнее. В крайнем случае, попросить проводницу в другое купе перевести».

Инна потрогала нательный крестик и взглянула на попутчика как можно строже.

– Инна Павловна, – официально отрекомендовалась она надменным низким голосом и принялась демонстративно вглядываться в черноту окна. Огоньки пригорода летели сплошной светящейся полосой. Она упрямо молчала. Мол, представились – и хватит. Общей темы для разговора у нее с этим типом нет и быть не может.

Попутчик стащил с головы спортивную «мальчиковую» шапочку и, как смущенный подросток, взъерошил прилипшие темные волосы, слегка тронутые сединой. Его багровая физиономия, словно помидор-гигант утренней росой, была покрыта крупными каплями пота. Похоже, «маньяк» и вправду пробежался по вагонам. Похоже, охотник спешил к дичи!

Однако мужчина по-прежнему поглядывал на нее добродушно и даже как-то заискивающе. Сопя и кряхтя, Владимир Ильич принялся стаскивать куртку. Он резко приподнялся с сиденья, со всего маху стукнулся головой о верхнюю полку и снова сел.

– Е-мое, – застонал мужчина, потирая потную макушку. Габариты этого типа явно не вписывались в железнодорожные стандарты. Еще бы! Это какие должны быть вагоны, чтобы в них такие громилы могли развернуться! Рост под два метра, косая сажень в плечах... Длинные ноги мужчины упрямо не хотели помещаться в крошечном пространстве, и он протянул свои лапищи, обутые в щеголеватые ботинки с вытянутым мыском, через все купе. Они угрожающе легли наискосок, отрезав Инне путь к двери. Она как можно незаметнее пододвинула к себе дамскую сумочку, такую увесистую, что при желании ею можно было вывести из строя какого-нибудь средненького маньяка. Но такого бугая – вряд ли. Его хоть гирей по башке лупи – не вздрогнет.

«Кажется, в сумочке есть дезодорант. В случае чего брызну в эти наглые, хищные, глаза», – подумала Инна, стараясь наладить дыхание.

– Вы что-то дома забыли? – участливо спросил мужчина, удивленно взглянув на ее копание в сумочке. – Надеюсь, не железнодорожный билет?

– Нет, я ишу перочинный ножик, яблоко порезать, – нашла Инна.

– Не волнуйтесь, Инна Павловна, у меня «с собой было», – обрадовался попутчик и, бодро щелкнув замком чемоданчика, извлек здоровенный охотничий нож – с таким, наверное, на дикого кабана ходят. Инна похолодела и с испугом скосила глаза на закрытую дверь.

К счастью, в эту секунду дверь отворилась, и в купе всплыла дородная проводница в обтягивающем форменном кителе и мини-юбке рискованной длины. Волосы цвета моркови, состриженные на затылке совсем коротко, дополняли вызывающий облик.

– Ваши билетки! – объявила она пассажирам, игриво стрельнув глазами на Иннинного попутчика.

– Не забудьте вернуть, – сказал он строго, не обращая на заигрывания проводницы ни малейшего внимания, – в командировку еду.

– Все вы для жен в вечной командировке! – хихикнула проводница, закрывая за собой дверь.

«Надо было задержать ее, – запоздало расстроилась Инна. – И попросить о помощи. Нет, лучше не надо. А что я ей сказала бы? „Прощу перевести меня в другое купе, хотя здесь у меня нижняя полка“...»

Тем временем поезд, набрав полный ход, выстукивал замысловатую композицию, словно лихой ударник, поймавший кураж в процессе джем-сейшна. И крупные, с длинными пальцами, ручищи детины принялись барабанить ножом по столику, ловко попадая в такт колесному ритму.

Инна вообще-то обожала мужчин с крупными руками и длинными тонкими пальцами, но тут ее передернуло, словно сосед царапал иголкой по стеклу.

– Прекратите стучать, и так голова раскалывается, – потребовала она.

Попутчик недоуменно уставился на нервную дамочку, потом хмуро набылчился, словно Инна сорвала его выступление на Евровидении, и обиженно запыхтел. Похоже, «солист» не собирался так легко сдаваться. Вдохнув поглубже и выстукивая теперь ритм ботинком, он замурлыкал под нос «Дорогу» – «Попутную песню» двадцатого века – от группы «Любэ». Когда певец добрался до слов «Дорога, дорога, осталось немного, девчонок целуйте в засос», он внезапно игриво взглянул на Инну и подмигнул.

Вот оно, начинается! Инна в ответ зашипела, как рассерженная кошка.

– Не волнуйся, Иннуль, шучу, – примирительно буркнул попутчик и громко икнул.

«Ого, этот омерзительный тип уже отметил отъезд! Причем хорошо отметил!» – с опозданием догадалась Инна. В этом плане она соображала гораздо медленнее других женщин: сказывалось отсутствие семейного опыта. Соседка Лариска обычно за версту чуяла, когда муж принял на грудь. Причем каждый раз безошибочно нюхом определяла когда, сколько и с кем. Если нестерпимо пахло мятной жвачкой, значит, благоверный встречался с друзьями детства

из «Второгодников. ру», а когда от супруга за версту несло не только перегаром, но и табачищем – значит, «порешал вопросы» на работе. Однажды Лариска своим чудо-носом распознала через пары перегара запах женских духов... Наутро ее благоверный вышел из подъезда в темных очках, плохо маскировавших злобещий синяк под глазом.

Вот и сейчас Инна запоздало сообразила, что красное мужское лицо – не всегда признак усталости, высокого давления, аллергии или даже сексуального желания... Как, впрочем, и спринтерского бега за поездом. Гораздо чаще в России физиономии мужчин наливаются краской совсем по другому поводу.

Попутчик наконец поборол собственную куртку, пристроил ее на плечики возле двери и, распрямившись во весь свой почти двухметровый рост, с хрустом, сладко так, от души, потянулся. Под свитером обозначились бицепсы.

«Ни фига себе, этот тип еще и качается! Еще, чего доброго, и стероиды колет. Наркоман! Не дай бог, входит в люберецкую „бригаду“! Вот и „Любэ“ уважает», – с испугом подумала Инна и зябко поежилась.

– А тут уютненько. Правда, мадам И-нес-са? – вынес попутчик свой вердикт и вопросительно, даже слегка заискивающе, посмотрел на Инну.

– Мне все равно, как тут. Лично я собираюсь спать! Мне завтра на работу, – объявила Инна, испепеляя взглядом нового знакомого.

Черт побери, когда же этот бесцеремонный тип догадается, что приличные господа выходят из купе, давая даме переодеться? Он выметется отсюда хоть на десять минут или нет? Скорее «или нет». Подобные туповатые персонажи намеков не понимают. Им надо все разжевывать по складам, как в первом классе.

– Вы не хотите выйти? Мне надо переодеться, – потребовала Инна с интонациями учительницы.

– Спать? Да вы что! Серьезно? Детское время, Иннуля! – отмахнулся попутчик с удивленным, даже обиженным видом. – Я вообще-то в поездах никогда не сплю. Так что у нас вся ночь впереди. Водочки? – игриво поинтересовался он и стал снова расстегивать свой чемоданчик.

– Я же сказала, что в это время привыкла спать, – повторила Инна ледяным тоном, – уже, между прочим, час ночи. Кстати, если вы не расслышали, я еду в Питер работать.

– А я – так, по Невскому погулять! – вдруг с пьяным нажимом обиделся мужчина. – Между прочим, я тоже в командировку. Ты уже должна была это просечь. Хотя если ты, Инночка, назначишь мне на завтра свидание в культурном месте... Шучу, шучу, – поспешил он ретироваться, с удивлением поймав на себе взгляд Инниных потемневших от гнева глаз.

Не обращая ни малейшего внимания на ее возмущенные вздохи, мужчина извлек из портфеля «набор командированного». Там была нарезка «брауншвейгской» колбасы и сыра, белый батон в целлофане, тоже нарезанный тонкими ломтиками, и плитка шоколада «для дам-с». Разумеется, в центре всей композиции сразу же оказалась бутылка водки с пластиковыми стаканчиками.

– Ну, Иннок, как натюрморчик? – нагло похвалился тип.

– Послушайте, я сейчас проводницу позову! – пригрозила Инна. – И вас оштрафуют. А я потребую, чтобы меня перевели в другое купе. Вообще в поездах, как я погляжу, до сих пор творится форменное безобразие! Писали ведь, что где-то уже ввели женские и мужские купе. Так нет же, как всегда, одна показуха. Видно, в России-матушке мы никогда не сможем путешествовать цивилизованно. Всегда одно и то же! Водка, оглушительный храп, запах пота, вонючие мужские носки...

– Женщина, не надо грязи! – окончательно обиделся попутчик. – Перед отъездом я принял душ и надел чистое белье. Мечтал, чтобы в купе оказалась достойная дама, и мы культурно провели бы с ней время. Фурий мне и на службе хватает. Хотя, если по правде... Ты неплохо

выглядишь, Иннулька. Гнев тебе к лицу. К тому же москвичка. Угадал-с? Вон как закипела! Терпеть не могу манерных питерских баб, они все какие-то надменные и замороженные!

– Что ж, не хотите выходить из купе, Владимир Ильич, и черт с вами! – объявила Инна.

– О, у нас и стриптиз заказан! – притворно оживился гигант. – Бонус жэдэ компании!

– Пошел вон! – зашипела Инна и резво сиганула на верхнюю полку над его головой. Хорошо, что оттуда не будет видно этого мерзкого типа. Подстегиваемая страхом и отвращением, она запрыгнула наверх так легко, словно все последние годы занималась спортивной гимнастикой и брусья были ее коньком.

Мужик восхищенно присвистнул.

– Сегодня я так не смогу, детка, – виновато признался он. – Так что тебе придется всю ночь скучать в одиночестве.

Инна стянула через голову свитер и, оставшись в черном кружевном бюстгальтере, напялила на него черную футболку с хвастливой надписью «Супервумен». Затем, бесшумно стянув под одеялом джинсы и колготки, закрыла глаза и попыталась уснуть.

Но не тут-то было. Поезд тряхнуло, и голова попутчика со всего размаха стукнулась о верхнюю полку.

– Эй, господин пьяница, нельзя ли осторожнее! – возмутилась Инна.

– О, черт, сколько водки зря пролил. – Мужчина тихонько выругался, а Инна почувствовала вокруг резкий запах спиртного.

– Может, хватит! – потребовала она. – И так в купе закусывать пора. А завтра всем рано вставать.

– Не волнуйся, Иннок, я же ее как снотворное потребляю. Еще несколько капель и... Вдруг тебе повезет, и я громко захраплю? Кстати, а ты к кому едешь?

– Так, в один небольшой питерский музей, в творческую командировку, – соврала Инна.

– А, «в Греческом зале, в Греческом зале!», – обрадовался попутчик. – Ну, тогда мы с тобой там точно не встретимся. Мне-то некогда по музеям прохлаждаться. У нас, менеджеров среднего звена, служба и опасна, и трудна. Хочешь, завтра помогу сумку до метро донести, трепетная «мышь белая»?

– Не стоит, меня встречают.

– Сказочница! Какой псих притащится на вокзал в семь утра? – не поверил мужчина.

– Изольда приедет, я ее знаю.

– С Тристаном? – спросил мужичок и сам громко заржал над своей немудреной остротой.

– Нет, одна, – сухо отрезала Инна и отвернулась к стенке.

Попутчик наконец допил свое «снотворное» и громко захрапел.

Инна лежала на верхней полке, отвернувшись лицом к стене, и старательно притворялась спящей. Слезы Ниагарой текли по ее лицу. Сна не было ни в одном глазу. Она лежала, вспоминала год за годом свою не слишком счастливую жизнь и беззвучно всхлипывала. Вначале – бестолковое раннее замужество, впрочем, это был не брак, а одно сплошное недоразумение, и секс между супругами прекратился, почти не начавшись, так что развелись они практически автоматически. Эта история обожгла ее настолько, что всю последующую жизнь Инна подсознательно выбирала для романов лишь глубоко женатых мужчин. Или тех, с которыми никогда не получится создать семью.

Она вспомнила всех своих любовников. Давних и не очень. За всю жизнь их набралось в копилке памяти не так уж и много. Они были молодыми и средних лет, худыми и толстыми, но почти все – высокие и довольно симпатичные. Инна вспомнила слова маминей подруги Валентины Павловны: «У женщины может быть любой муж, даже коротышка-замухрышка, а вот любовников она всегда выбирает со вкусом, потому что не для быта, а для души».

Инна сделала им всем «перекличку» поименно, как на армейской утренней поверке. Результат был неутешительный. В который раз она убедилась: ни с одним из тех мужчин она

не смогла бы прожить бок о бок, в одной квартире, дольше недели. Да и сейчас, если честно, ее ждал дома не тот и не там. Нить, связывавшая ее с Москвой, была бы совсем хрупкой, если бы не мобильник. Если что...

«Интересно, что?» – с опаской подумала Инна.

Так вот, если что, можно послать эсмэску лучшей подруге Машке. И тут же получить от нее дельный совет. Подруга, словно опытный врач-психотерапевт, всегда находит единственно необходимые слова. Впрочем, что там мобильник! Вот бы взять Машку с собой в Питер... Инна быстренько расправилась бы со всеми делами, и они рванули бы куда-нибудь за город. Например, на экскурсию в недавно отреставрированный Константиновский дворец. Посмотрели бы на знаменитую коллекцию Ростроповича–Вишневецкой, о которой столько трезвонили по телящику. Но разве Машку куда-нибудь вытащишь? С утра до ночи торчит на работе, а все выходные драит до блеска свою и так стерильную квартиру. Иногда Инне казалось, что и мужа Макара Машка во время генеральной уборки отдраивает капитально: железной губкой с моющими средствами. Во всяком случае, по собственной квартире ее благоверный передвигался с опаской, словно по музею. Даже на лестницу ему не разрешалось выходить в «музейных» тапочках. И что удивительно, Машке никогда не хотелось расширить границы своего тесного чистенького мирка, она не любила путешествия. А Инна – наоборот. Всю жизнь в ней жила бойкая безбашенная репортерша. И в зависимости от обстоятельств эта особа то распрямляла плечи и нагло брала над ней верх, то сидела тише мыши в дальнем уголке ее души, терпеливо дожидаясь своего часа. А если очередная репортерская авантюра Инки заканчивалась провалом, то Машка находила мудрые слова, дающие силы жить дальше и побороть сознание собственного ничтожества. Однажды Машка напечатала в своем дизайнерском центре визитки для Инны. На мерцавших картонных карточках, случайно повернув их к свету, Инна прочитала надпись «Супервумен». Кстати, черную футболку с такой же надписью, в которой Инна сейчас лежала под казенным одеялом, подарила ей на день рождения тоже любимая подруга. В общем, Машка – это Карнеги в джинсах!

Инна вспомнила, как Машка утешала ее после каждого любовного фиаско, окончательно расстроилась и уснула лишь под утро вся в слезах.

Проснулась она лишь тогда, когда проводница решительно и громко забарабанила в дверь и объявила: через десять минут – Московский вокзал.

ВОКЗАЛ ВОСПОМИНАНИЙ

Инне не терпелось повидать Изольду, однако нетерпение двоюродной тетушки, наверное, было еще сильнее. В семь утра ее хрупкая фигурка уже маячила на платформе Московского вокзала, поеживаясь от холода и напряженно вглядываясь в лица выползающих из вагона поутреннему хмурых пассажиров.

– Инна, наконец-то! – С неожиданной для своего возраста прытью старушка подскочила, выхватила у нее дорожную сумку и еще минуты две боролась за нее. Однако пожилая дама не учла, что питерская платформа, как и московская прошлой ночью, была сплошь покрыта льдом! Хрупкую, крошечную Изольду понесло-закружило вместе с сумкой и по инерции поволокло туда, где платформа обрывалась. Охнув и собрав все свои силы, Инна с трудом вырвала поклажу из цепких маленьких рук и затормозила опасное кружение старушки по перрону.

– Хорошо, что ты приехала! – прошептала Изольда и, встав на цыпочки, чмокнула Инну куда-то в подбородок.

Инна прижалась к облаку седых волос, выбивавшемуся из-под беретика. Доведется ли им еще увидеться, кто знает?

Слякотное питерское утро на самом деле оказалось непроглядной ночью. Впрочем, и в метро, и в автобусе свет тоже был каким-то неярким, желтоватым, словом, типично питерским.

Как и одежда горожан, как и скупые на эмоции лица людей. Север, одним словом. Все было другим, чем в Инниной разудалой, вычурной и кичливой Москве.

Москвичка подумала, что Петербург уже не первый век поражает жителей Центральной России северной монохромной сдержанностью, какой-то скрытой мощной энергетикой. Похоже, внешние эффекты в этом краю мало кого волнуют... Оскорбленное достоинство бывшей имперской столицы дает себя знать уже почти столетие...

После получаса томительного пути они оказались у двери обычной питерской многоэтажки.

– Дальше пойдешь одна, – вдруг объявила Изольда. – Давай звони прямо при мне Марку по домофону. Я непременно должна убедиться, что этот тип дома. Про меня – ни звука. Поняла?

– Да, Инночка, конечно, я дома, жду тебя, поднимайся, – отозвался в динамике заспанный мужской голос, и Изольда, прижав палец к губам, растворилась в питерских ранних сумерках.

СТРАСТИ ПО МАРКУ

И вот теперь, встретившись в кофейне на Васильевском, Изольда и Инна болтали обо всем на свете, избегая произносить вслух слово «Марк», словно это было не обычное имя, а запретный китайский иероглиф. И тот, кто называет его, тут же умирает. Притворялись, что никакого Марка не существует, что он миф и призрак, хотя Инна, приехав с вокзала, уже успела похлебать на кухне его знаменитый суп из белых грибов, лично собранных профессором прошлой осенью в районе Репина. Супец этот, надо сказать, Марк готовил отменно. С перловкой, картошкой, специями и всем, что положено в него кидать. Вообще все, за что брался, Марк делал на «пять с плюсом». И дочь, свою и Изольды, красавицу Светку, он вырастил стопроцентной отличницей. А точнее, «перфекционисткой», как сейчас говорят. То есть женщиной, которая может все делать только хорошо. Или очень хорошо. От чего сама порой страдает, часто бывает на грани нервного срыва, ведь объять все на свете невозможно. Но подделать с собой ничего не может. С детства привыкла быть первой. Получать только пятерки. Или пятерки с плюсом.

Когда Светка досталась ему после развода, Марк взялся за ее воспитание со всем энтузиазмом обожающего отца и доморощенного педагога. Так дрессировали детей-вундеркиндов их амбициозные папаши в прошлые века: отец Моцарта, отец знаменитой пианистки Клары Вик, отец Паганини... Только те стремились вырастить из своих чад знаменитых виртуозов и поправить свои денежные дела, а Марк бескорыстно мечтал, чтобы Светка развилась в гармоничную и всестороннюю личность. Ну и, само собой, прославила его фамилию. Его единственная дочь училась во французской и музыкальной школах, ходила на занятия юных искусствоведов в Эрмитаж, потом в кружок юных химиков при Ленинградском университете. А когда Изольда упрекнула Марка, что у дочери нет детства, что она совсем не дышит воздухом и не общается с ровесниками, отец принял простое и эффектное решение. Он купил Светке собаку: веселого серебристого малого пуделя Матвея.

– Теперь у Светки есть друг, с которым надо гулять и о котором придется заботиться, – объяснил он. – А сидеть целыми днями во дворе с юными бездельниками моей дочери ни к чему. Не для того я ее рашу.

Удивительно, что при такой плотной опеке Светка вышла замуж. Но красавицу, как поется, выкрадут «вместе с забором». А Светка унаследовала не только красоту матери, но и ум отца, ее учеба и ранняя научная карьера продвигались блестяще. В итоге она удачно вышла замуж. Но к неудовольствию Марка, прочившего дочь за принца, избранником Светки стал обычный питерский парень, институтский приятель. Марк страшно ревновал, что-то твердил насчет мезальянса, но в конце концов смирился. А вскоре, получив гранд на учебу в аспирантуре при Сорбонне, Светка укатила с мужем и крошечной Анечкой в Париж. Подальше от бытовых проблем и энергичного папаши. Впрочем, тот и по сию пору продолжает считать счастливый брак дочери ошибкой юности...

Прежде Инна всегда останавливалась у тетушки, но в этот раз все получилось по-другому. Изольда предложила ей погостить у Марка.

«Интересно, почему она вздумала поселить меня у бывшего мужа?» – гадала Инна. Словно прочитав ее мысли, Изольда буднично пояснила: пока жила за границей, ее квартиру залили соседи, сейчас там ремонт, вещи снесли в одну комнату, гостей принимать негде. А Марк, как всегда, жирует один в своей огромной квартире. Вот Изольда и подбила Инну напроситься к нему на пару дней. Скороговоркой пробормотав все это, тетушка попыталась сменить тему. Мол, имя названо, и хватит об этом человеке. Давай лучше о новых книгах, о московских вернисажах и премьерах. Как будто, загнанные постоянной гонкой за деньгами, без которых не прожить в дорогом мегаполисе, москвички только и делают, что ходят в театры да

в музеи, а не пытаются всеми силами выжить в постоянно сменяющие друг друга эпохи дефицита, инфляции, дефолта и безработицы.

Инна с каждой секундой убеждалась: имя бывшего мужа действовало на Изольду как грязные окна на немцев. Хотя, казалось бы, не так часто рождает Петербург подобных интеллектуалов, красавцев и вообще таких цельных мужчин.

Марк Аршавский, прославленный ученый-химик, профессор, автор известных в научном мире трудов и открытий, был вторым мужем Изольды. Когда-то он, в то время сорокалетний холостяк, наслушавшись в научных кругах легенд об умнице-красавице химичке, страстно мечтал с ней познакомиться. И судьба оказалась к нему благосклонна: однажды он наконец встретил женщину своей мечты на банкете по случаю защиты диссертации и без памяти влюбился. Впрочем, он был подготовлен к этой любви благодаря долгой невозможности встречи. Оба немолодые, с сильными и непростыми характерами, они сошлись стремительно, тут же и поженились. А куда тянуть в сорок лет? Однако прожили вместе супруги недолго. Уж очень оказались похожи своей вспыльчивостью и категоричностью. Изольда, в сущности, была таким же ворчливым холостяком, как и ее благоверный. Никто из двоих не хотел уступать – ни в главном, ни тем более в мелочах. В итоге они расстались, поровну поделив дочерей. Галина, дочь Изольды от первого брака, осталась с матерью, а Светлана, дочь Марка и Изольды, – с отцом. Это из нее Марк пытался вылепить настоящую супервумен, которая всегда и везде первая, без всякой надписи на футболке.

Много лет общие друзья были убеждены, что супруги пребывают в разводе. А в середине трудных девяностых вдруг выяснилось: официально брак Изольды и Марка не расторгнут! То есть запись о разводе в ЗАГСе им вроде бы когда-то сделали, причем честь по чести, однако штамп в паспорта так и не поставили. Супруги были сами в этом виноваты: затянули с уплатой пошлины, потом отвлекли неотложные дела, и в итоге про штамп все забыли. Надо же! Через двадцать лет эта забывчивость пришлась как нельзя кстати. По паспорту она была замужем, а про бумаги двадцатилетней давности, хранившиеся где-то в пыльных архивах ЗАГСа, никто и не вспомнил.

Изольда мечтала перебраться на Запад, поближе к дочерям и внукам, покинувшим Питер в силу разных обстоятельств, о которых будет сказано ниже, но не знала как. Наличие де-факто отца-немца, нигде по документам де-юре не значившегося, такого права не давало. И тут Марк, вечно недовольный начальством и властями, объявил, что уезжает. Оказалось, по еврейской линии сделать это совсем не сложно. Причем можно ехать не в какой-нибудь далекий и жаркий, горластый, вечно воюющий Израиль, а в благополучную, тихую и относительно близкую Германию. В Европу, одним словом. Так отъезд стал возможен и для Изольды, его де-юре супруги. В общем, неожиданно оказалось: выгоднее быть женой российского еврея, чем незаконной дочерью российского немца, чтобы попасть в Германию на ПМЖ. Так Марк Аршавский с супругой Изольдой Гурко осели в конце девяностых в лагере для иммигрантских переселенцев...

– Говорят, трудности сближают, – попыталась Инна вновь заговорить в кафе о Марке. О «дяде Марке», как привыкла она называть его с детства.

– Нас они развели окончательно, – сухо отрезала Изольда и, подозревав официантку, заказала еще по пятьдесят граммов – уже не коньяка, а родимой русской водки. Чтобы не сразу заплакать.

Инна в каком-то оцепенении слушала рассказ Изольды. Как она решилась, как смогла в ее-то почтенном возрасте изменить судьбу? Перебраться в чужой, неприветливый к иммигрантам мир, поменять все: окружение, привычки, планы на будущее. Зачем? Чего ей в родном Питере не хватало? Ну, допустим, денег. Но и там, в Германии, по тамошним меркам, у нее евриков в обрез. Зато на чужбине и окружение другое, попроще и погорластее. И проблемы совсем иные: не как свести концы с концами на российскую нищенскую пенсию, а как сохра-

нить достоинство и минимально пристойный уровень жизни в окружении «настоящих» граждан страны Евросоюза – немцев.

Про себя Инна знала совершенно точно: она никогда не смогла бы обменять свой, пусть многочисленный, несовершенный, шумный, суетливый мир – словом, родную Москву, – на любую, пусть самую благополучную, сытую и чистенькую заграницу. Отказаться от друзей детства и юности, которые понимают тебя с полуслова, от летних поездок к ним на дачу, от своих июньских дней рождения, собирающих душным вечером всю компанию в ее квартирке. Нет, это невозможно. Просто она не выжила бы там – в чужой враждебной среде. Не смогла бы... Что не смогла бы? А ничего не смогла бы: ни писать, ни легко общаться с людьми, как в Москве, ни радоваться жизни. Хоть и говорит по-немецки. Да при чем тут язык! Она просто дышать там не сможет! Будет постоянно, изо дня в день, чувствовать себя таджикой-уборщицей, или нянькой-молдаванкой, или поварихой-хохлушкой, поступившей в услужение к нуворишам. Что ж, некоторые могут. И Изольда смогла... Понятно, что дочки в поисках лучшей жизни перебрались за границу, и ей, как солнечных дней в туманном Питере, не хватало общения с ее девчонками и с внуками, уже с акцентом говорившими по-русски. И все же, все же... Инна нюхом репортера чувствовала: в скоропалительном переезде ее тетушки в Германию кроется какая-то тайна.

Однако Изольда не заметила внутреннего монолога племянницы и продолжала рассказ спокойным, ровным голосом.

В лагере для переселенцев они тут же поссорились с Марком. Даже не в первый день – в первый же час пребывания на чужбине. Как всегда, из-за ерунды: кто будет спать на койке у окна, а кто – у двери. В первом, фильтрационном, лагере были не кровати, а именно койки – с железными ножками, прикрученными к полу. Изольду тогда потряс интерьер комнаты: железные шкафы, железный стол, койки, тумбочки... Генетическая память подбрасывала ей сны о войне, о блокаде, о сталинских лагерях, снилась мать в форме военного врача, молодая и прозрачная от переутомления Ольга, и Изольда просыпалась после ночных кошмаров в холодном поту. Свою жизнь в мире демократических и буржуазных ценностей она представляла в Питере немного иначе. Мягко говоря. К счастью, вскоре оказалось, что в фильтрационном лагере им предстоит прожить всего две недели. Пока власти проверяют законность пересечения границы новыми жителями Дойчланд, а также наличие или отсутствие у них криминального прошлого.

Изольда решила терпеть и ждать, тем более что другого выхода теперь не было. Скорее бы началось то, о чем они с Марком мечтали в бедном Питере времен перестройки! Благополучная и безмятежная бюргерская жизнь на пособие для переселенцев в чистеньком пригороде Дюссельдорфа. В маленьких уютных квартирках с евроремонтом и новой мебелью. И главное, без привычных забот и тягот питерских пенсионеров.

«Все скоро у нас будет, – мечтала она, – даже на экскурсии по Европе начнем, как европейские пенсионеры, по два раза в год кататься...»

Изольда изо всех сил старалась жить светлым и не столь отдаленным будущим, уговаривала себя, как маленькую: все будет хорошо. Однако ее, привыкшую в Питере к иному, академическому, слегка снобистскому окружению, шокировали и фальшивые звуки гармошки за окном, и нестройное пение переселенцев из Казахстана, и не слишком правильный язык родной российской глубинки. А те, другие, казахстанские, немцы были вначале совершенно счастливы. Супермаркеты! Иномарки! Хорошее пиво! Они лузгали семечки и орали песни не хуже жителей какой-нибудь рязанской деревни. На немцев они были похожи так же, как Изольда на дочь вождя африканского племени. И вскоре тоже люто затосковали по прежней, понятной, привычной, бедной, но льготной жизни.

Изольду пугали татуировки огромных подозрительных парней, явно с криминальным прошлым, по-хозяйски расхаживавших по лагерю. Ничего себе, «спокойная Европа», «гутен

таг, цирлих-манирлих!». Правда, после тщательной проверки и фильтрации иммигрантов она этих типов больше не видела.

К счастью, вскоре новым переселенцам объявили: документы в порядке, пора переезжать в другой лагерь. Там условия уже более-менее походили на цивилизованные. Изольда тут же отправилась к иммиграционному начальству и решительно объявила: они с Марком хоть и супруги, но живут раздельно. Фрау клерк доброжелательно кивнула, мол, обычное для немецких семей дело, «сепарат воннен», и сделала в бумагах какую-то отметку. Словом, просьбу Изольды об отдельном от супруга проживании удовлетворили, как ни странно, без проволочек. Вскоре каждый из них получил по маленькой квартирке в многоквартирном доме для пенсионеров в пригороде Дюссельдорфа.

МАРК ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ПИТЕР

Неожиданно для всех Марк вернулся. Тихо, без лишнего шума, как будто и не уезжал. Стал опять жить в своей квартире на Старо-Невском и ходить на кафедру в институт. Как будто все, что было недавно, – просто тягостный сон длиной в полгода. Вспоминать о том времени он не любил. Впрочем, друзья и не спрашивали. Было ясно: участь пенсионера-иммигранта, который всем обязан, оказалась для него неприемлемой. Новоявленный немецкий житель скупал по питерским коллегам, по тем ученым-занудам, над которыми раньше посмеивался, по бестолковым и ленивым ученикам, даже по серому питерскому дождику. Да и квартиру на Старо-Невском проспекте в центре Петербурга было не сравнить с жильем, выделенным ему милостью немецких властей: крошечная комнатка гостиничного типа в блочном доме на окраине немецкой деревушки. В общем, Марк уехал, а Изольда осталась. Одна в чужой стране. Навсегда. Несмотря на могилу Ольги, затерянную на одном из старых питерских кладбищ. На фотографию матери в форме полковника медслужбы, ненавидевшей фашистов всеми фибрами души. Невзирая на институтских подружек юности. На любимую двоюродную московскую сестру Лялю, мать Инны.

– Почему она там осталась? Ты же знаешь, Изольда всегда была кошкой, которая гуляет сама по себе, – терпеливо втолковывал Марк Инне по телефону. – И вообще... Изольда обожает одиночество и всякие странные затеи... Думаешь, почему она согласилась уехать в Германию? Даже со мной в нагрузку...

– Чтобы быть поближе к дочкам, – удивилась Инна простому вопросу.

– Это лишь верхняя часть айсберга. У нее вдруг появились какие-то странные фантазии насчет отца. Знаешь, в нашем возрасте это бывает. Будто ее папенька Шмидт не пропал без вести, а жил в Германии еще много лет после войны. Изольда в детстве случайно подслушала шепот родственников. Мол, отец попал на фронте в плен, фашисты угнали его в Германию, где заставили работать в своих лабораториях. Родня была убеждена, что он погиб. Однако Изольда не сомневалась: фашисты не решились уничтожить талантливого и известного научными трудами немца, пусть даже рожденного в России, а у него потом хватило ума не возвращаться на Родину. Слава богу, у моей жены, сделавшей неплохую научную карьеру, тоже хватило ума никогда не искать его. И все же однажды случайно – от коллеги, вернувшейся с международной научной конференции, – она услышала новость, поразившую ее. Дескать, русский ученый с немецкой фамилией Шмидт осел где-то возле Кельна. Говорили, что он умер в конце семидесятых. До Изольды дошли какие-то безумные слухи. Будто этот человек, мучимый угрызениями совести, оставил русской дочери, рожденной вне брака, неплохое наследство. Однажды моя супруга явилась в Питере к нотариусу, но тот лишь пожал плечами: незаконнорожденная дочь, разные фамилии, другая страна. Там, в Германии, нас не очень любят, впрочем, как и мы здесь приезжих.

«О боже, очередной скелет в чужом шкафу! Сколько можно выслушивать чужие тайны! – с досадой подумала тогда Инна. – Родня все грузит и грузит проблемами, будто у меня своих мало...»

А теперь, уже в Питере, стоя в прихожей, Марк продолжал намекать родственнице на какие-то жгучие семейные тайны.

«Да, старость не радость! – подумала Инна. – Пора бы родственничкам успокоиться. О душе подумать, о здоровье».

Инна наскоро распрощалась с профессором Аршавским до вечера. Времени у нее осталось совсем мало. Ее ждала Пиковая дама.

ЯВИЛСЯ НЕ ЗАПЫЛИЛСЯ

Инна спешила на встречу с богатой заказчицей, с опаской скользя по обледенелому тротуару. Каждый шаг давался с трудом. Ну, просто «Ледовое шоу со звездами»! Только без их головокружительных гонораров и страховок. И без партнера-профессионала, который не даст упасть. Выходные итальянские сапоги, которые она надела в дорогу, скользили по льду не хуже коньков. Видно, были рассчитаны на слякотную флорентийскую зиму, а не на город, построенный на финских болотах. Здесь, в прежней имперской столице, похоже, чистят от снега и льда лишь свой парадный Невский проспект.

«Эх, прошла бы хоть раз Валентина Ивановна, нынешняя мать-градоначальница, в таких вот сапожках по питерским закоулкам, – ворчала про себя Инна, балансируя на выбоинах и стараясь не упасть. – Тут-то Москва в вечном споре двух столиц точно впереди! Наш городской голова, Михалыч в кепке, по субботам вечно строжится, префектов гоняет, вот гастарбайтеры и стараются, даже песочком дворы на окраинах посыпают».

И то верно, нечего туристам по городским задворкам и закоулкам шляться, на облупленные дома смотреть, пусть гуляют себе по специально отведенной территории, топчут «золотую милю», – ехидно подумала она, с трудом выбираясь на финишную прямую.

И Бог не замедлил наказать ее за зломыслие. На углу у царских конюшен Инна зацепилась каблуком за ледяную выбоину и со всего маху больно шлепнулась на пятую точку. Она лежала на спине и чуть не плакала от обиды, как вчера в поезде.

– Мадам, позвольте вашу руку! – Инна потеряла ушибленное место и открыла глаза. Над ней участливо наклонился, почти сложившись пополам, ее недавний попутчик, Владимир Ильич. А вот и парное катание! Так сказать, знаменитая питерская школа Тамары Москвиной. Вовремя пожаловал, ничего не скажешь!

Он подхватил ее под мышки и легко, как ребенка, оторвал от земли, а потом бережно поставил на ноги. В общем, поддержка удалась на славу. 6,0!

Инна даже сквозь дубленку почувствовала большие сильные руки. Нынче от нового знакомого пахло какой-то приятной туалетной водой. Она уловила кружащий голову зимний запах – хвои, елки... Вот вам и Дед Мороз! Явился – не запылился! Теперь он был гладко выбрит, от вчерашних паров алкоголя не осталось и следа. Похоже, Ильич всерьез поработал над собой утром. Теперь он поддерживал Инну под руку, и женщина понимала, что не сможет упасть, даже если очень сильно этого захочет. Да, здоровенный тип попался, ничего не скажешь...

«Алкаши не бывают в такой хорошей спортивной форме, – вдруг обеспокоилась она, – неужели этот все-таки связан с бандитами? Во всяком случае, похоже, он регулярно ходит в „качалку“».

Но пока Владимир Ильич поглядывал на нее весьма дружелюбно. Во всяком случае, Ильич приехал в Питер не в бронированном вагоне, а в обычном купе. В чем-то она ему даже сочувствовала. Не очень-то приятно, согласитесь, быть тезкой того, кто заварил в этом городе такую кашу, что почти столетие вся Россия расхлебывает и до сих пор расхлебать не может. Хорошо, хоть из двора Мраморного дворца броневик Владимира Ильича убрали. Он был не лучшим украшением для дворца Романовых, это точно. Зато теперь на том же месте установили здоровенного Александра Третьего на огромном, как у Ильи Муромца, коне. По иронии судьбы, каменный самодержец здорово смахивал все на того же прохиндея Сережку Бурмистрова. Ну, разве что царь-батюшка покрупнее будет. И теперь Серега Бурмистров, в сапожищах и окладистой бороде, мог сколько угодно взирать со злорадством на отправленную им в Питер Инну, сидя на коне-мутанте.

– Не ушиблись? – заботливо спросил Владимир Ильич. – Вот к чему приводит женская самостоятельность. Ну ладно, теперь вы хоть по делу разревелись. А чего всю ночь в поезде всхлипывали, людям спать мешали?

– Вы что, все слышали, вы не спали? – опешила Инна. – До меня же явственно доносился ваш богатырский храп.

– С вами, пожалуй, уснешь, – пробурчал Владимир Ильич, – такую сырость в купе развели – в Питер можно было и не ехать.

– Сырость... А вам какое дело? И вообще как вы здесь оказались? – напустилась на него Инна. – Почему мы здесь встретились? Вы что, преследуете меня? Я в милицию заявлю.

– Очень надо вас преследовать. А здесь на набережной я, как и вы, Инночка, мимоходом.

Подобно вам изображаю ненужную деловитость, а сам прогуливаюсь в разгар рабочего дня по центру города. Согласитесь: для нас, москвичей, Питер – магическое место. Сюда нас влечет вновь и вновь, как героя Федора Михайловича на место преступления. Съездить в Питер – это вам не в Рязань или в Калугу прокатиться. А уж в последние годы фраза: «Съездить по делам в Питер» – и вовсе стала паролем. Эти слова заставляют самого равнодушного собеседника посмотреть на вас с интересом и уважением. Связи в Питере – это нынче почти синоним успешной карьеры.

Новый знакомый шутиливо шлепнул Инну по мягкому месту, отряхивая снег с дубленки.

– Ну, это уже наглость! – возмутилась дама. Однако сказала она это как-то вяло, без должного гнева. Ей было не до политеса. Инна здорово ушиблась. Все ее тело нестерпимо болело.

– Не хотите – ходите с мокрым задом, – пожал плечами Владимир Ильич. – К тому же дубленка вытянется и отвиснет. – Он пристально взглянул на нее и предложил: – Может, пивка?

– Нет уж, знаю я ваше пиво! Пиво без водки – деньги на ветер, так, кажется, ваш брат говорит? – осадила его Инна. – Спасибо, не стоит напрасно тратить. К тому же я спешу на деловую встречу.

– Далеко ли, позвольте полюбопытствовать? – не отставал новый знакомый.

– Да нет, рядом, на Мойке. Не очень далеко от музея-квартиры Пушкина.

– Ага, так и знал, что музей для вас – лишь прикрытие! – медленно и торжественно объявил мужчина. Он сказал это даже с какой-то неожиданной злостью. Недавнее дружелюбие соскользнуло с его лица, как маска, и на Инну уставились темные сумрачные глаза, а на щеке обозначилась жесткая вертикальная складка. На скулах заиграли желваки. Владимир Ильич продолжил каким-то стальным, незнакомым голосом:

– Признавайтесь, небось к любовнику в Питер приехали? Видал я, и не раз, эти романы «на два города». Он женат на Москве, она замужем за Петербургом. Или наоборот. Раз в месяц на выходные под любым предлогом едут то туда, то сюда... Говорят, расстояния и редкие встречи продлевают чувства. Жизнь становится похожей на роман. На роман в мягкой обложке. Ну да, конечно, так жить интереснее, чем каждый день мужу щи готовить, по магазинам за продуктами бегать и квартиру вылизывать... Некоторые годами так встречаются. И ничего, нравится... Вносит разнообразие в скучную серенькую жизнь. Бодрит, как шампанское. Кстати, терпеть не могу этот скороспелый напиток, утром от него голова болит. А любовники... Начитались классиков про всякие там «солнечные удары»... Вот и перепутали жизнь и литературу. Однако рано или поздно обман открывается. Старая семья рушится, а новая, разумеется, не создается. Потому что глупо менять праздники на будни.

Инна от такой гневной речи поскользнулась и снова упала бы, не удерживай он ее по-прежнему под руку.

– А откуда вам все это так хорошо известно, господин психолог? – не удержалась она. – Наверное, по себе судите?

– Что вы, у меня времени нет на подобные интрижки, да и глупо ради них ездить так далеко. А в наши дни подобные туры вообще слишком дорогое удовольствие. Не по моей зарплате. Женщину «для досуга» можно и в Москве найти. Сами знаете: все сайты знакомств в Интернете забиты предложениями...

– Вот и сидели бы на тех сайтах, чем в купе к незнакомым женщинам приставать, – не выдержала Инна.

Мужчина потер переносицу и переложил чемоданчик в другую руку. Неожиданно его карие глаза стали беззащитными и какими-то грустными, как у шоколадного коккер-спаниеля:

– А моя бывшая жена любила подобные приключения. – Он так неожиданно и откровенно заговорил о себе, что Инна, уже собравшаяся идти, притормозила. – Супруга постоянно, я бы даже сказал, вдохновенно лгала мне. Говорила, что едет на дачу, к подруге или в дом отдыха. А сама при первой же возможности мчалась в Питер, к любовнику. Видимо, расстояния ее здорово заводили. Впрочем, опасность разоблачения – тоже. Представляю, как они смеялись надо мной, как радовались моей наивности. Я-то всему верил, как дурак. Потому что очень любил ее. И верил каждому слову. Позже, в эпоху мобильных, врать мужьям стало совсем просто. Но однажды... Вот так же, как с вами, мы столкнулись с ней в переулке возле Невского. Я все понял, а она не стала отпираться. Наверное, наши отношения давно исчерпали себя. Теперь живет в Москве одна. Я тоже вряд ли когда-нибудь женюсь. Довольно! Нахлебался!

Он снял с руки перчатку, рассеянно повертел ее и, словно спохватившись, вновь надел. Инна впервые взглянула на нового знакомого с сочувствием. Похоже, этот сильный с виду мужчина пьет очень по-русски – не от веселья и безделья, а от непроглядной глухой тоски.

– Хотите, провожу вас, если не боитесь своего ревнивого любовника? – неожиданно предложил он. – У меня все равно нет никаких планов.

– Ладно, бог с вами, провожайте, но только до подъезда, – попросила она, поняв, что сейчас возражать насчет любовника бесполезно. У каждого сумасшедшего (а ревность – безусловно, безумие) своя программа. Что ж, любовник так любовник. Лишь бы этот скользкий тип поскорее отвязался.

Инна потрогала на шее крестик, подняла глаза и увидела, что они остановились возле дома, который ей был нужен.

ДОМ С ПРИВИДЕНИЯМИ

Старинный дом горделиво блистал свежавыкрашенным бирюзовым фасадом, выделяясь среди обшарпанных соседей неприлично гламурным обликом.

«Он выглядит, наверное, не хуже, чем во времена Пушкина, хотя теперь на его стены ежесекундно ложатся гарь и копоть от автомобильных выхлопов, – подумала Инна. – Похоже, его ежегодно подновляют, словно школьное здание перед очередным учебным годом».

Аккуратный особнячок так же отличался от панельной многоэтажки, в которой жила в Москве Инна, как дорогой торт от пачки «народного» печенья. Инна навела кое-какие справки об этом таинственном доме еще накануне командировки. В конце двадцатого века там стала селиться новая буржуазная и политическая элита, и тоненький денежный ручеек, который выделялся на реконструкцию города, потек в нужном направлении. Зато в двух шагах от Невского привычная питерская разруха по-прежнему беззастенчиво оскорбляла взор. Вот почему Изольда упрямо продолжала называть родной город Ленинградом.

– Санкт-Петербург – имперская столица, а столица не может быть такой обшарпанной, – всегда поправляла она Инну, когда та пыталась из вредности щегольнуть новым названием города. И впрямь суетливый северный мегаполис с провинциальным налетом на град Святого Петра и тем более на Северную Пальмиру все еще не тянул. Лишь прославленные туристические места да такие маленькие островки буржуазного благополучия, как этот особняк, оставляли надежду на возрождение былого великолепия.

Зато в этом доме все, включая широкую лестницу с полированными перилами, говорило о высоком статусе жильцов. Подъезд панельной многоэтажки, в которой проживала Инна на Юго-Западе Москвы, не выдерживал с этим чопорным парадным никакого сравнения. Неудивительно, что здесь живет сама Пиковая дама – Полина Андреевна Покровская! Она не замедлила явиться, лишь Инна позвонила в дверь.

– Умоляю, не переобувайтесь, должна же домработница хоть за что-то получать деньги! Хотя бы за мытье полов.

Пожилая седовласая дама в легких коричневых брюках и бежевом свитерке протянула навстречу гостье сразу две белых холеных руки. После первых приветствий хозяйка радушно проводила Инну в гостиную.

Облик парадной комнаты сразу ставил гостя на место. Намекал, как далеко ему до хозяйки. Кто она и кто любой сюда входящий. На рояле стояли в изысканных рамках портреты ее покойных мужа и сына, фотографии внука и других, ныне живущих родственников. Старинные фарфоровые безделушки удачно контрастировали с надменными лицами, взиравшими с портретов, и придавали комнате некоторую теплоту и уют. Антикварная мебель была выдержана в классическом стиле: бронзовые канделябры, потемневшие портреты на стенах – в общем, с первого взгляда древняя родословная и дворянские корни хозяйки вызвали во входящем невольный трепет и почтение.

– Это мой двоюродный прадедущка граф Шаховской, – делано-равнодушно вещала хозяйка, успевая краем глаза следить за впечатлением, которое производила на гостью. – А это моя прабабушка графиня Шаховская...

С большого темного холста на Инну сурово уставилась пожилая дама в платье цвета бронзы и с парадной лентой через плечо. Ни кружевной воротник, ни большой веер не придавали ее облику ни малейшей кокетливости, а бархатный взгляд темных глаз проникал прямо в душу. Суровая дамочка типа современной бизнес-леди! Хозяйка какого-нибудь средней руки ООО или ЗАО! Переступит, растопчет и не вздрогнет. Вдалеке на холсте угадывался барский дом и пруд – что-то вроде современного загородного коттеджа с бассейном.

Похоже, хозяйка квартиры не впервой пиарила себя перед гостьей и делала это грамотно и с удовольствием. Однако время – деньги, и выслушивать без аванса семейные легенды и работать бесплатной «жилеткой» Инна не собиралась.

– Полина Андреевна, рада нашему знакомству, – сказала Инна со всем радушием, на которое была способна. – Позвольте передать вам огромный привет от Сергея Бурмистрова, однокашника и близкого друга вашего сына, – произнесла Инна заготовленную фразу как можно громче и приветливее и выжидательно посмотрела на хозяйку. Уф, наконец-то! Можно передохнуть с дороги и сделать паузу. Сейчас она услышит массу дежурных благодарностей и забавную историю про студенческие годы двух закадычных друзей: Никиты Покровского и Сережки Бурмистрова.

Вопреки ожиданию никакой сентиментальной ретроистории не последовало. Воцарилось неловкое молчание. На Инну уставились стальные глаза Марии Стюарт перед восшествием на плаху. Любые шутки в этом милом доме, похоже, были неуместны.

– Сергей был лишь одним из многочисленных дальних знакомых сына, – с неприязнью пробормотала она. – Заурядный мальчик из провинции. Ну, был когда-то с Никитой в общей компании. А потом компания распалась, кажется, девушку не поделили. В последние годы, как вы понимаете, у них вообще не могло быть ничего общего. Слишком разный образ жизни...

«Ну, Серега, ну, погоди, дезинформатор, вернись в Москву, ты у меня попляшешь, как пескарь на сковородке! – мысленно пообещала Инна. – Все наврал, все перепутал, а теперь я еще и вляпалась в мутную историю», – продолжала бушевать она в душе, а вслух осторожно спросила:

– Ну, раз его рекомендация ничего не стоит, я, пожалуй, пойду? Тем более есть куда. У меня в Питере родственники, масса знакомых, и вообще мне есть чем заняться в культурной столице. Пойду погуляю.

– Ну что вы, душенька, Инна Павловна, ради бога, оставайтесь! – остановила ее широким жестом хозяйка. – При чем тут этот, как бишь его? Ну да, Сергей. Вы-то сами мне сразу понравились. Посидим, попьем чайку, один мой молодой друг как раз торт для нас привез. В общем, поболтаем о столичных новостях. Мне после смерти Никиты так одиноко... А этот скользкий тип... Ну, Сергей Бурмистров. Давайте считать, что у вас ко мне другая, более надежная рекомендация. Например, Союза писателей или Союза журналистов, если это для вас, Инна Павловна, так уж важно.

Надо сказать, все документы Инны старуха изучила довольно внимательно еще в прихожей.

Хозяйка и гостья прошли в дальнюю комнату. Она тоже походила на маленький зал музея средней руки. На комод и тумбах стояли небольшие бронзовые фигурки и парные подсвечники. А картины на стенах были не старше девятнадцатого века.

Инна уселась в углу, удобно угнездившись в глубоком, уютном антикварном кресле с новенькой обивкой «под старину», включила диктофон и собралась вздремнуть под нудное бормотание хозяйки...

Сколько подобных воспоминаний она выслушала за годы работы в разных редакциях, сочиняя ради «презренного металла» всевозможные заказухи! Как часто посередине длинного монолога усилием воли заставляла себя очнуться, чтобы вставить привычные фразы: «С этого места, пожалуйста, поподробнее», или «Ну надо же! Кто бы мог подумать!», или «Потрясающе! Я об этом никогда в жизни не слышала». Главное, надо было дать собеседнику почувствовать уникальную значимость его рассказа, позволить ему раскрыться, чтобы тот наконец поведал миру очередную банальность, но хотя бы на сей раз снабженную интересными деталями.

Инна вспомнила, как один самодовольный мемуарист-рассказчик принимал ее в загородном доме, арендованном одной фирмой по ведомству «нефтянки» для ВИП-персон. Комната, где чиновник давал интервью, больше смахивала на будуар или, точнее, на номер в доме сви-

даний. Ампи́рные обои в бордово-золотистых тонах, кругом – парча, золотые кисти на шторах и обивке, инкрустированная вычурная мебель. Сам рассказчик вольготно возлежал на оттоманке наподобие турецкого паши, а сама Инна скромно пристроилась с диктофоном на уголке пуфика. Большую часть странной комнаты занимала двуспальная кровать-аэродром в нише под балдахином. Поначалу Инна поглядывала на нее с опаской, но вскоре поняла: ей здесь абсолютно ничего не грозит. И слава богу! Мемуаристу с его огромными деньжищами не проблема уложить в эту суперкойку любую топ-модель. А она, замордованная жизнью продажная журналюга, к счастью, никакого интереса в плане секс-досуга для него не представляет.

«Вот повезло! – обрадовалась тогда Инна. – Этому типу гораздо важнее записать каждую секунду своей скучнейшей жизни, чем банально переспать со мной. Он наивно мечтает, что из-под моего борзого пера скоро появится книга, которая сделает его жизнь, в общем-то серенькую и малоинтересную, важной и значительной в глазах партнеров по бизнесу, в кругу знакомых и родственников. Придаст ему, так сказать, иной масштаб и вес. Но этого не случится, будь я хоть Лев Толстой. Напрасные хлопоты, батюшка! Харизма – это как мужская сила. Или она есть, или ее нет. Как Богу угодно».

Кого только в ее бурной творческой биографии не встречалось! У другой богатой мемуаристки, хозяйки двухэтажных элитных апартаментов на Арбате, Инну изводила мелкая настырная, слюнявая, правда, довольно симпатичная собачонка, так и норовившая облизать ее писательскую физиономию. А вот чашки чаю там было не дожидаться, сколько она ни намекала горничной на трудный и долгий рабочий день...

Инна очнулась, вспомнила, где находится, и пристально взглянула на старушку. Главное, чтобы заказчица не уличила ее в том, что она дремлет. Бойкая журналистка, живущая в ней, заскучала, свернулась калачиком и приготовилась соснуть часок-другой. Нет, так нельзя! Интерес к уникальной личности заказчика прежде всего! Чего изволите, графиня? Хотите, изображу вас холодной интеллектуалкой? Ради бога. Хотите предстать перед читателями хлебосольной хозяйкой. Пожалуйста! Простой, душевной русской женщиной? Как скажете! Желание заказчика – закон для сервильного писателя. То бишь, говоря по-русски, скромного труженика сферы обслуживания. Хотя как тут не задремать: пожалуй, ничего на свете нет скучнее чужих подробных воспоминаний! Особенно если они касаются людей и событий, которые к тебе лично не имеют никакого отношения.

Что ж, придется покорно слушать очередную семейную сагу. Инна положила локоть на столик рядом с креслом, создав устойчивую опору, чтобы голова невзначай не упала на грудь, когда она задремлет...

Внезапно сквозь полудрему она услышала:

– А диктофон, Инночка, вы, пожалуйста, выключите.

Инна взглянула на старушку с немым вопросом, и тут дама, словно продолжая прежнюю фразу, буднично объявила:

– Разумеется, Никиту отравили!

«Ни фиги себе, скучные мемуары! Мы, между прочим, так не договаривались, бабушка! Я на мокруху не подписывалась!» – пронеслось у Инны в голове.

Бойкая репортерша, спрятанная до поры до времени в ее душе, потянулась, распрямилась и, как показалось Инне, стала вслушиваться в разговор с недюжинным интересом.

Инна запаниковала:

«Пусть амбициозные публицисты, шустрые газетные репортеры и нахрапистые молодцы или девицы, успешно совмещающие первую и вторую древнейшие профессии, так глупо рискуют. Правда, отважным криминальным и политическим журналистам тоже (вспомним бедных Пола Хлебникова и Анну Политковскую) не всегда везет! Но я-то работаю в другом, совершенно безопасном жанре. Ну, Серега, ну, художник офисный, ты мне в Москве и за это ответишь! Вот какой сюрприз ты приготовил „Инке, настоящему другу“, коварный интриган!

Специально ведь, мерзавец, умолчал про „особые обстоятельства“! Чтобы я раньше времени не вытащила ноги из дурно пахнущего вещества, которое этот бездельник обозвал гордым словом „наш проект“ и в котором мои бедные ножки уже по колено увязли».

Прокрутив в голове этот гневный монолог, Инна окончательно проснулась и тупо уставилась на пожилую леди, не сводившую с нее испытующего стального взгляда. Интересно, как теперь на все это реагировать? И не опасно ли в свете новых сообщений пить с ней чай с тортом? Старинные портреты, верная прислуга – все это возвращает в эпоху великих отравлений и секретных ядов! Герцог Борджиа, королева Маргарита Наваррская... Немного цианистого калия – может, в этом доме его всем подкладывают для забавы? Или испытывают на гостях, как на лабораторных крысах? Чтобы подтвердить или опровергнуть догадку о смерти сына...

– Дорогуша, пройдемте в соседнюю комнату, там домработница накрыла чайный столик, – сказала дама, словно прочитав ее мысли. – Между прочим, торт для нас покупал...

И она назвала фамилию помощника депутата, не слезавшего в последние дни с экранов телевизора. Его босса, депутата питерского городского собрания предыдущего созыва, застрелили несколько лет назад в собственном подъезде. О причине заказного убийства в городе ходили разные слухи, но большинство СМИ сходились на том, что слугу народа убили из-за огромной суммы наличными, которую он вез в обычном портфеле из Москвы... Судя по роскошной обстановке в доме, Никита Покровский тоже недавно возил с собой немалые денежки. Впрочем, возможно, это были кредитные карты. Разница невелика.

У Инны по спине побежали мурашки, и она зябко поежилась, хотя в квартире было тепло.

М-да, ну и денек! – Инна с усмешкой вспомнила астрологический прогноз из журнала «Гороскоп»: «Близнецы, декабрь для вас удивительно счастливый месяц. Успехи в творчестве и любви ожидают всех, рожденных в начале и середине июня».

«Ни фиги себе, если это счастье, тогда что же считать проблемами?» – растерянно спросила себя она. «Тени отца Гамлета» выходят в Питере на свет божий одна за другой. И что, теперь поселиться здесь на пару месяцев и заняться журналистским расследованием? Забросив работу и всю остальную московскую жизнь?

«Да! Да!» – казалось, заорала нахальная репортерша, прятаясь на дне ее души. Но Инна довольно грубо приструнила ее. Кому сейчас интересна судьба давно усопшего мелкого олигарха? Отработанный материал... Оппозиционные газеты статью о Покровском точно не возьмут. Равно как и издательства. Им всем с живыми бы олигархами разобраться...

Хозяйка квартиры между тем менялась прямо на глазах, словно героиня какого-нибудь фантастического ужастика эпохи новых технологий. Похоже, питерские магнетические силы, витающие над городом, второй раз за последние дни пришли в движение. И в собеседнице Инны проявилась ее глубоко спрятанная сущность.

Перед Инной сидела уже не радушная седенькая старушка, а энергичная дама средних лет, с живыми серыми глазами и волевым ртом. Она кипела жадой мести и, похоже, хранила в душе такие «петербургские тайны», что роман Крестовского в сравнении с ними выглядел невинной детской сказочкой.

«Интересно, чем занимался ее сынок, что за несколько лет сколотил такие деньжищи? – подумала Инна. – Одна эта квартира на Мойке с прислужкой чего стоит! М-да, журналистской или даже издательской деятельностью на такую роскошь точно не заработаешь. Наркотики? Торговля оружием? Порнобизнес? Сеть подпольных публичных домов? О таких вещах молчат или уносят с собой в могилу, как Никита Покровский...

А его мамаша и сегодня не бедствует. Кто-то за ней очень пристально присматривает», – продолжала размышлять Инна и, словно в доказательство своих мыслей, услышала от пожилой дамы слова, от которых мурашки вновь побежали по спине:

– Помню, однажды мы праздновали день рождения Никиты в кабинете начальника тюрьмы... – Старушка заговорила об этом самым будничным тоном, словно речь шла о корпо-

ративе в ближайшем кафе. – И представьте себе, этот интеллигентный и порядочный человек честно предупредил меня, чтобы мы с сыном были осторожней. Слишком многие были заинтересованы в скоропостижном исчезновении моего Никитушки.

– А почему вы думаете, что его отравили? – решила наконец спросить Инна. Она еще не до конца пришла в себя после сенсационного сообщения и после некоторых колебаний наконец все-таки отхлебнула чаю из тонкой старинной чашечки.

– Потому что, едва Никиту оправдали и выпустили на свободу, они подослали к моему доверчивому мальчику этого прохиндея, этого мерзавца-травника. А я ничего не могла сделать. Он словно загипнотизировал Никиту. Отравитель называл себя народным лекарем и пичкал Никки подозрительными снадобьями. Втерся к мальчику в доверие, словно колдун. Понятно, что сын после нескольких лет, проведенных на нарах, чувствовал себя отвратительно. И выполнял все назначения отравителя. А итог был страшным. Врагу не пожелаю.

Вскоре после освобождения из тюрьмы у Никиты случился обширный инфаркт со смертельным исходом. Такие яды науке и спецслужбам давно известны, и мой бедный Никки стал их очередной жертвой...

«Боже, что за бред сумасшедшей? Средневековый отравитель... – Инна чувствовала, что начинает терять терпение. – Ну, прямо оперный злодей, аптекарь Бомелий из „Царской невесты“!»

Сон улетел, так и не успев окутать Инну северным тяжелым покрывалом. Гости почудилось, что вещи в комнате задвигались и зашелестели, а один из предков графини, до того степенно взиравший с портрета и, казалось, внимательно прислушивавшийся к беседе, даже слегка кивнул в подтверждение сомнительной версии хозяйки.

– А разве у пятидесятилетних, руководящих серьезным делом и много работающих мужчин не бывает инфарктов? Тем более что им обычно некогда следить за здоровьем, – робко спросила журналистка.

– Бывают. Только не в нашем случае, – отрезала хозяйка. – Мой Никки был еще молодой, спортивный и жизнерадостный мужчина. Недавно вновь женился и очень хотел жить. Такие люди не умирают ни с того ни с сего.

Так-так... Вздорные фантазии старухи недоказуемы. Это ясно, как то, что Никита Покровский был отнюдь не ангелом. Любой издатель, кому Инна перескажет этот разговор, сочтет старуху сумасшедшей, а значит, с рукописью потом хлопот не оберешься. Кто из издателей захочет связываться с криминальной мемуаристкой? И вообще Инна Морозова работает в другом жанре.

– Никки следил за своим здоровьем, как космонавт, – спокойно, словно читала лекцию на кафедре, продолжала хозяйка. – Он задумал демократический прорыв в сфере новых технологий. Эта без преувеличения техническая революция ликвидировала бы лишние звенья в технологической цепочке, многие бы тогда лишились солидного заработка и своих мест, вот сына и убрали. Словом, Никитушка заступил на территорию чужих кланов. А главное, отказался сдать своего босса. В Петербурге, моя дорогая, все очень тесно переплетено, это вам не ваша огромная Москва, где денег и возможностей немерено. Мы здесь все варимся в одной кастрюльке. Когда один петербуржец задумывает новый проект, у другого изо рта тут же уплывает жирный кусок.

«М-да, весьма лакомый кусочек был в руках у сына старухи, если кто-то, как уверяет Полина Андреевна, решил заказать его убийство, – подумала Инна. – Убрать Никиту Покровского, не последнего в городе человека, – это вам не бомжа на Васильевском паленой водкой опить и в залив сбросить», – продолжала размышлять она, кивая Полине Андреевне невпопад. Журналистке не терпелось хорошенько обдумать все вновь открывшиеся жутковатые обстоятельства. И принять к завтрашнему дню поистине гамлетовское решение: писать или не писать?

Наскоро попив чаю с роскошным тортом, украшенным свежей малиной и взбитыми сливками, гостя простилась с Пиковой дамой, пообещав непременно явиться пред ее стальные очи завтра.

На обратном пути Инна вспомнила про Изольду, которая давно ждала ее в кафе на Васильевском острове, и припустила к метро – на станцию «Невский проспект». По дороге она достала мобильник. Тот, по счастью, был пока в зоне действия. Инна прислонилась к стенке и послала московской подруге очередную эсэмэску:

«Мусик, я в отчаянии. Здесь одни маньяки, графини и отравители».

Телефон запищал через пять минут:

«Одевайся теплее, а то в Питере метель», – советовала подруга. Как всегда, Машка писала только по делу. Инна как-то сразу успокоилась. Тонкая ниточка, связывавшая ее с Москвой, вновь завязалась. Инна знала: Машка подскажет выход из любой ситуации, даже самой безнадёжной. И, улыбнувшись своим мыслям, Инна едва не проехала нужную станцию.

ИЗОЛЬДУ ПРИВОЗЯТ НА ТАЧАНКЕ

В роду Изольды всегда рождались красавицы. Быть ослепительно красивыми для женщин этой семьи казалось таким же естественным, как для других иметь, к примеру, два уха, поэтому никто из близких давно не обращал на их притягательную и изысканную внешность особого внимания. А незнакомые внезапно и надолго застывали в изумлении. Между прочим, мужчины в этой семье могли быть какими угодно: и низенькими, и корявыми, и невзрачными, на облике их дочерей все эти недостатки почему-то не сказывались. Ген красоты передавался из поколения в поколение по женской линии вопреки явной ненаучности этого факта.

Бабушка Ольга, приехавшая в Питер из Минска в конце двадцатых, поражала жителей Северной столицы тонкой талией, огромными серыми глазами и золотистыми волосами, уложенными волнами по тогдашней моде. А еще особым, наверное, польским шиком, с которым она повязывала косынки и закалывала брошки. Ольга имела редкую для женщин той эпохи специальность врача-психиатра, занималась в ординатуре под руководством профессора Шмидта, любимого ученика самого академика Павлова, и главным результатом этой учебы стало появление на свет ее дочери Изольды. Впоследствии Ольга не раз рассказывала (особенно она любила это делать в больших компаниях, откуда содержание всех разговоров плавно перетекало в Большой дом), что привезла Изольду из роддома на тачанке. Но как ни странно, этот политически безупречный факт биографии никак не сказался на благородной внешности и аристократических манерах дочери. Может быть, необычное имя не способствовало тому, чтобы слиться с пролетарской местностью? По правде, Ольга и дала его Изольде потому, что в душе мечтала: ее девочка предназначена не для этого серенького мирка, не для питерского коммунального быта с его общими кухнями, керогазами и убогими клеенками на кухонных столах, а для иной жизни, где житейское почти не играет роли, а главное – сила духа и интеллект, ну и, разумеется, красота, раз уж она столь обязательна для женщин их семьи...

Изольда резала в тарелке блинчики, вспоминала о матери и негромко рассказывала о жизни на чужбине. Ее руки, когда-то молочно-белые, с точеными пальцами, выдавали возраст увеличенными суставами и темно-коричневыми пятнами на тыльной стороне кисти. Однако улыбка осталась прежней, пленительно-нездешней, из старого французского кино. Инна слушала ее чудный, совсем не изменившийся голос и поеживалась под плащом. Боже, ну почему она всегда попадает в этот сырой и туманный город в самое мерзкое время года, в ноябре или в декабре! Когда световой день длится всего несколько часов, да и то эту мокрую, противную морось вряд ли назовешь днем... Она заметила, что Изольду тоже слегка знобит, и заказала им по рюмке коньяка. Выпили, не чокаясь, помянули Ольгу и ее двоюродную сестру Варю, бабушку Инны. Варя и была той самой женой красного командира, одолжившего в полку тачанку ради появления на свет новой гражданки рабоче-крестьянского государства.

О, если бы Ольга только знала – тогда, незадолго до страшной войны, – как буквально, каким жестоким и неожиданным образом вскоре воплотятся в жизнь ее мечты о мире чистой духовности! В блокадном Ленинграде быт напрочь исчезнет, потеряет значение, а сила духа, наоборот, станет главной материальной ценностью, дающей силы выжить порой вопреки голоду и болезням.

Началась война, и Ольга, отправив дочь и мать в эвакуацию, осталась служить врачом в Ленинграде. Врачам-психиатрам сразу выпало столько работы, что лишь каким-то немислимым, неженским усилием воли хрупкая, почти бестелесная Ольга заставляла себя не падать в обмороки от усталости и держаться, подавая пример мужчинам. Нервы молодых пилотов, совершавших первые боевые вылеты, частенько не выдерживали, у здоровых и крепких парней случались истерики, и доктор Ольга Михайловна Гурко помогала им не сойти с ума, вернуться

в строй, выжить. Ольга еще больше похудела, почти высохла, талия стала по-девичьи тонкой, а в уголках рта появились жесткие складки и первые седые пряди на лбу.

– Знаешь, мать почти не рассказывала ни мне, ни дочерям о войне, – однажды призналась Изольда. – Не любила ее вспоминать, как все блокадники. Понимала, что и мысли ее, и поступки того времени будут непонятны в иной системе координат и, может быть, даже покажутся нам полным безумием – то есть тем, с чем она всегда профессионально боролась.

Был еще момент, заставлявший Ольгу уходить от разговоров о прошлом. В войну загадочно исчез в эвакуации ее бывший гражданский муж, профессор Шмидт. Мало ли людей пропадало в те годы, однако отец Изольды был немец, и это обстоятельство придавало всей истории не только драматический, но и весьма опасный характер. Всерьез опасаясь за будущее дочери, Ольга вычеркнула ее отца из своей жизни и из биографии Изольды.

– Пусть лучше в графе «отец» будет прочерк, чем «пропал при неизвестных обстоятельствах», – рассуждала про себя Ольга. Изольда, вопреки расхожим представлениям о красавицах, была умна, блестяще училась, и портить девочке карьеру было грешно. На все вопросы дочери об отце Ольга отвечала сухо и уклончиво, и у юной Изольды задолго до появления в мире первых детей из пробирок зародилось подозрение, что ее зачали подобным непорочным путем. Хотя она смутно помнила, как в раннем детстве отец водил ее гулять в парк и катал на карусели. Помнила его крупную фигуру и сильные руки, покрытые веснушками и рыжеватыми волосами, закручивающимися в маленькие колечки.

После войны Ольга так и не смогла вернуться к подробному мирному быту. Да и неинтересен был он ей, впрочем, как все, что не касалось работы. То есть психического здоровья и нездоровья человека, которое включает в себя столько миров, что по сравнению с ними осязаемый мир и есть сплошная иллюзия. В итоге домашние дела и заботы Ольга свела к необходимому минимуму. Белые сдавала в прачечную, дома почти не готовила, покупала полуфабрикаты в кулинарии. Правда, обычно она брала продуктов столько, что даже с помощью родни съесть их все было невыносимо. Страшная память о блокаде сидела в ее сознании, не отпускала, несмотря ни на какую житейскую логику дочери. И что удивительно, сама Ольга ела совсем мало, оставаясь до конца дней сухонькой, как щепка.

Из-за еды у бабушки Ольги частенько случались ссоры с Изольдой. Та никак не могла вылечить дочерей от диатеза. Шоколад от бабушки был везде: и в секретере, и под подушками, и в школьных ранцах. Плитки «Гвардейского», россыпь «Мишек», «Трюфелей» и «Белочек», огромные коробки «Ассорти», обвязанные золотистой тесьмой, шоколадные зайцы и деды морозы... По утрам, оставаясь наедине с внучками, бабушка заваривала им на завтрак горячий шоколад. Она прекрасно помнила: в блокадном Ленинграде именно шоколад помог многим пилотам не погибнуть от истощения, поддержал раненых, да и ее саму не раз спасал от голодного обморока. Как профессионал, Ольга краешком сознания понимала: блокада навсегда искалечила ее душу. Однако не смогла до конца дней победить страх голода...

Зато наряды ее совершенно не интересовали. Лет двадцать подряд она носила темно-синий шерстяной костюм, серый плащик и маленький, слегка траченный молью, все тот же типично питерский темно-синий беретик. Когда ей было уже за семьдесят, Ольга Михайловна с готовностью приняла приглашение поработать врачом в загородной больнице для хроников: там и жила до последних дней на всем готовом, чтобы не быть в тягость дочери и внукам.

ЧЕЛОВЕК ИЗ «БЫВШИХ»

Отца Изольда почти не помнила. Этот крупный, неспешный, немногословный мужчина был так не похож на новых людей, которых породило бурлящее, энергичное, беспокойное и жестокое время, что казалось, будто его просто вырезали из прежней жизни и целиком перенесли в новую эпоху. Словно бумажные фигурки, которые Изольда любила вырезать в детстве из старинных журналов. На кипу чудом уцелевших от печки-буржуйки дореволюционных изданий она однажды наткнулась в кладовке их питерской довоенной коммуналки. Там были дамы в кокетливых шляпках и длинных, всегда слегка помятых платьях (синтетику тогда еще не изобрели), мужчины в котелках и элегантных костюмах, очаровательные дети в матросских костюмчиках и ботинках с высокой шнуровкой. Мир, спрятанный в пожелтевших страницах, стал для нее прекрасной сказкой, которая оказалась гораздо интереснее новых книжек, изданных советскими издательствами для будущего юной страны. Через много лет таким же волшебным миром покажется ей страна пряничных домиков и замков южной Германии. Правда, новое очарование окажется еще короче, чем в детстве.

Карл Иванович Шмидт был бы своим человеком в любой сказочной стране. Его старомодное пенсне, пушистые усы и часы на цепочке так и просились в сказки Ганса Христиана Андерсена.

А наяву он был серьезным ученым-физиологом, правой рукой великого Ивана Павлова. Статьи Шмидта по физиологии переводились и обсуждались во всем мире. Карл Иванович был убежден, что научные истины не зависят от политических страстей, бушующих за окном. И продолжал, как незабвенный булгаковский профессор Преображенский, жить в своем замкнутом мире, словно он, этот мир, за последние пятнадцать лет ни капельки не изменился. Там, как и раньше, бушевали научные споры, неделями продолжались кропотливые эксперименты, составлявшие суть и смысл его жизни, а быт был простым и здоровым, свободным от безвкусной роскоши новой советской буржуазии.

Лишь однажды стройный и размеренный ход его жизни был нарушен. Это случилось в тревожный день ранней весны, когда снег еще лежит, но солнце уже светит нещадно, даря небу ярко-бирюзовые и лазурные оттенки. Вместе они создают такой яркий фон, что все выглядит на нем светлым, веселым и праздничным. Однажды таким ярким мартовским утром немолодой и глубоко женатый отец семейства Карл Шмидт встретил молодую аспирантку Ольгу.

Девушка, смутившись от знакомства с прославленным ученым, к тому же бывшим намного старше ее, встала спиной к окну, и яркое солнце осветило ее целиком, превратив в силуэт из старинного журнала. Темный силуэт на фоне окна оказался особенно хрупким и грациозным, а светлые пушистые волосы вспыхнули золотистым пламенем.

Профессор был сражен наповал. Весь облик прелестного юного создания служил неопровержимым доказательством рассуждений физиолога о роли симметрии и золотого сечения в природе. Но одновременно с радостной уверенностью в его душе родилось и стало расти неведомое прежде профессору смутное беспокойство. Столь правильные черты лица и безупречная фигура новенькой всем своим существованием опровергали теорию происхождения видов, которую исповедовал профессор. И вообще весь его выстрадавший с юности атеизм вдруг оказался под угрозой. У такой красоты могло быть лишь единственное, божественное происхождение.

Словом, профессор влюбился, как мальчишка, с первого взгляда. И, сам не желая того, принялся блистать перед новенькой интеллектом, эрудицией и прекрасными манерами «из прошлой жизни». Неудивительно, что Ольга вскоре была сражена мощным напором обаяния этого удивительного человека, так выгодно отличавшегося от простых и незатейливых парней, которые смущенно и одновременно нахраписто ухаживали за ней в институте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.